

От Акаева до Бакиева

Итоги революции и перспективы в эксклюзивном интервью бишкекского политолога Александра Князева.

По его мнению, в ходе мартовского переворота “вожди оппозиции всего лишь подобрали “корону, лежащую в грязи”. (Очевидно, оброненную в спешке экс-президентом).

– Александр, как вы думаете, почему старая власть не смогла удержать свои позиции и мартовский переворот имел место?

– Причин, или факторов несколько. Главными из всех факторов, приведших к государственному перевороту, на мой взгляд, можно считать как слабость верховной власти, которая всегда чревата ее самоустраниением, так и внешнее вмешательство – прямое и опосредованное – прежде всего со стороны США. Не сбрасывая со счетов эндогенные факторы (слабость и коррупция властей всех уровней, деградированная экономика, межэтническая напряженность, отсутствие социальных перспектив у значительной части молодежи и проч.), приоритет при рассмотрении причин киргизского переворота, как мне кажется, следует отдавать все-таки внешним факторам. Большая часть населения в рассматриваемых событиях была абсолютно пассивна. Но в ситуации пассивного большинства и социально активного меньшинства, практически полностью собравшегося на одной стороне, и происходит большинство классических переворотов.

Рассуждения о бедности как о причине мартовских событий 2005 года в Кыргызстане – от лукавого. Недовольство людей – я имею в виду это самое активное меньшинство – часто проистекает не от ухудшения материального положения, а от улучшения: меньшего, чем ожидаемое.

Вот эти ожидания и формировались многочисленными НПО, некоторыми СМИ, а финансировались они исключительно через западную грантовую систему. Образовался огромный, по меркам Кыргызстана, социальный слой “грантоедов”. На протяжении примерно с 2000-го по 2005 год сформировался специфический механизм содержания альтернативной элиты с помощью иностранных вливаний. Легкие и доступные грантовые деньги привлекли самых

разных людей, “скинутых” с государственных постов и сразу же “прозревших” относительно характера “акаевского” режима.

С другой стороны, и в распоряжении киргизской власти не оказалось опоры пресловутого “административного ресурса”, сложная игра с оппозицией оказалась за рамками квалификации власти. Режим власти в период президентства Аскара Акаева не являлся сверхжестким, но и не был нормально приспособленным к смене власти в результате конкуренции.

– Мог ли Акаев поступить иначе, чем действовал 24 марта?

– Беда Акаева, его вина перед собственным народом в том, что в марте 2005 года он не защищал по-настоящему интересы государства. Я где-то встречал такое определение: “комплекс перестроечного профессора”, вот этот-то комплекс, видимо, не позволил ему поступить так, как нужно поступать с людьми, штурмующими здания органов власти, сжигающими судебные архивы и выпускающими на свободу рецидивистов...

Мне сейчас очень интересно другое. Акаев своими четырнадцатью годами президентства заложил мощную мину для последующих политиков. Сегодня у Курманбека Бакиева я наблюдаю чрезвычайно мощное стремление установить жесткую и предельно авторитарную модель управления. Но это наталкивается на достаточно сильную контрреакцию со стороны и общества в целом, и политического класса в частности. “Туркменский” вариант после этих четырнадцати лет уже просто не пройдет! А как этот процесс будет развиваться?..

Другой вопрос – поведение Аскара Акаева 24 марта. Описывать в рациональных категориях его почти невозможно. Но, в любом случае, своими действиями он сразу поломал жесткую матрицу “бархатной” революции, не сыграв ту роль, которая ему предназначалась организаторами переворота. Он отдал власть сразу и без боя, оказав тем самым весьма дурную услугу оппозиции. Лидеры оппозиции ринулись делить кабинеты, контроль над событиями был утерян, ситуация стала почти неуправляемой ими, оказавшись под контролем криминальных группировок.

Я думаю, президентство и уход Аскара Акаева – мощный повод задуматься над тем, нужны ли интеллектуалы такого уровня в политике, и если нужны, каковы необходимые трансформации их

личности.

– Как вы считаете, как долго будет идти процесс разделения власти? Насколько сильны позиции киргизской оппозиции? Возможны ли политреформы в Кыргызстане?

– Бакиеву и его окружению очень хотелось бы обойтись без политических реформ. В принципе, события последних месяцев свидетельствуют о некоторых их успехах на этом пути. Избавление от спикера Омурбека Текебаева сильно ослабляет общие позиции парламента. Вопрос реформирования системы государственного управления в наибольшей степени лоббировался именно парламентом. Теперь депутатов заставят заниматься текущим законодательством, либо, если они будут демонстрировать слишком большую самостоятельность, инициируют роспуск парламента. Подручные партии и движения типа “Эркиндика” скандально известного Топчубека Тургуналиева всегда под рукой, необходимые триста тысяч подписей “нарисуют” быстро...

Премьер-министр Феликс Кулов также уже вряд ли станет серьезным инициатором конституционной реформы. В событиях, связанных с отставкой Текебаева, он четко продемонстрировал, что он – человек президента.

Внепарламентская оппозиция, как и парламентская, сегодня также находится в некоем транзитном состоянии. Бекназаров, Отунбаева и другие – они ведь все вчерашние “революционеры”, им не с руки напрямую бороться с результатами собственной деятельности. Им просто нужны от содеянного некие преференции в виде должностей. Поэтому их оппозиционность будет напрямую зависеть от договороспособности Бакиева. Сумеет он им предложить нечто, что будет способно удовлетворить их амбиции, значит, и в оппозиции их уже не увидим...

– Ну что ж, может, тогда подведем главные итоги первого года со дня революции?

– Главные итоги года – кризис в экономике: тщательно вуалируемый, но, тем не менее, имеющий место быть. В 2005 году в экономике вместо намечавшегося роста в 7,5 процента произошел спад до 0,6 процента, то есть страна не досчиталась

более 8 процентов прироста экономического потенциала! При этом падение производства в промышленной сфере составило 12 процентов, а в обрабатывающих отраслях – свыше 15 процентов. Рухнул туристический бизнес, бурно развивавшийся в последние годы. Дефицит торгового баланса вырос почти вдвое. Чрезвычайно перспективный переговорный процесс с международными донорами о списании и реструктуризации внешнего долга полностью заморожен. Более того, ухудшение экономического положения в 2005 году сопровождалось непредвиденным ростом внешнего долга: к концу 2005 года он составил 2 миллиарда 56 миллионов 288 тысяч долларов.

За прошедший год заметно снизились реальные доходы населения, возросла безработица, произошло сокращение как внутренних, так и внешних инвестиций, ухудшение основных социальных показателей. Относительная социальная стабильность обеспечивается пока лишь за счет расходования средств стабилизационного фонда, а также золотовалютных резервов, накопленных при Акаеве.

Межклановое перераспределение собственности и властных функций стало главной сущностью мартовского переворота. Естественно, что на протяжении всего года республика находится в острейшем политическом кризисе, поскольку быстро и безболезненно такое произойти не может.

Идет дальнейшее нарастание регионального сепаратизма. В республике происходит даже не диффузия власти, а ее фрагментация. Власть распределяется по местам, каждый глава области или района все меньше и меньше подчиняется центру и становится подобен афганскому полковому командиру.

В этом же ряду – негласно поощряемый новой властью рост титульного национализма, повлекший уже ряд межэтнических конфликтов (с узбеками, дунганами, курдами), некоторые из которых сопровождались погромами и последующим массовым выездом этнических общин (дунганской) в соседний Казахстан. Растет и миграция русского населения в Россию и, опять же, в Казахстан.

В общем, перспективы в целом невеселые...

Ботагоз Сейдахметова

www.np.kz